

Никакая другая революция не оставила таких больших следов не только в истории, но и в личной судьбе каждого человека. Никакая другая революция не привела к таким огромным результатам.

Советский Союз — первое государство в истории, политику которого поддерживает преобладающее большинство человечества.

ПРАГА

Прежде чем говорить о прекрасном и удивительном романе Мухтара Ауэзова «Абай», позволю себе рассказать вам о доме-музее Абая Кунанбаева в Семипалатинске, который я посетил летом этого года. Мне кажется, что даже беглый взгляд на музей Абая объяснит многое и в судьбе знаменитого поэта-просветителя казахского народа, и в судьбе романа об этом поэте.

Деревянный домик, где некогда гостил Абай, приехавший из степи в Семипалатинск, невелик. В нем пять тесных комнат. Небольшое и собрание вещей, принадлежавших собственно Абая, хотя разбросанные, произвольные работники Академии наук Казахской ССР, ведутся тактично. Так, из рукописей Абая сохранилось лишь несколько страниц; портретов его мало — две-три фотографии, что касается печатных книг стихов Абая... о них стоит сказать подробнее.

Абай родился в сороковых годах прошлого столетия и скончался в 1904 году. Это были годы могучего развития русской литературы. В эти годы появились Белинский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький. Абай мог не только читать произведения этих великих писателей, но и мог бы видеть некоторых из авторов этих произведений, вести с ними переписку.

Казахский народ все в те времена, как и столетия назад, кочевую жизнь. Русская общественная мысль и литература затрагивали лишь редкие единицы среди казахов, да и то краем своего движения. Абай стал сочинять стихи в юности и, говоря нашим языком, в пору своей жизни имел 30—40 лет творческой работы. Однако, при жизни он не напечатал ни одной своей книги стихов! Его первая книга стихов была издана в 1909 году, пять лет спустя после его смерти. Издана же на родине, а в далеком Петербурге. В Казахстане в те годы не было ни казахских типографий, ни издательств, ни рабочих, которые умели бы набирать книги. Стихи Абая поэтому, равно как и переводы русских поэтов, сделанные им, хранились в списках или передавались акынами из уст в уста. Акыны, народные певцы, были тогда единственными проводниками светской казахской литературы.

И вот теперь, когда стоим перед витринами дома-музея, где лежит множество вещей Абая и на родном казахском языке, и на языках других народов СССР, понимаешь, как далеко ушел в области культуры и искусства советский народ, как преобразилась все мы и как, в частности, преобразился казахский народ.

Но будем касаться превосходных казахских колоколов и созвонцов, не будем упоминать о неслыханных урожаях пшеницы, умолим о гигантском металлургическом комбинате Базахаша, о строительстве Притышска, о заводах и рудниках Восточного Казахстана, о Казахском университете, о величественном столпе Ала-Ата, красующейся на фоне горных снегов, — взглянем только в ленту перед нами книгу Мухтара Ауэзова «Абай».

Советская литература богата биографическими романами. На первом этапе развития советской литературы появились «Чапаев», действие которого, кстати сказать, происходит на границе Казахстана. Подковылки прошлого и настоящего, оцеты, строители, государственные деятели часто встречаются с читателями на страницах наших книг. Пожалуй, можно сказать, что биографическая, т. е. повествовательная канва жизни, как основание всей системы социалистического реализма. И чем сильнее и крепче дарование писателя, тем шире и ярче полотно жизни, на котором развешиваются события, имеющие биографический характер.

К числу таких ярких, жизненных, талантливых книг принадлежит и роман Ауэзова «Абай».

Абай Кунанбаев происходил из крупного степного аристократа. Его отец — глава богатого и большого казахского рода, деспот, ценно ухватившийся за власть. Абай рос и воспитывался, не зная нищеты и труда. Отец готовил наследника к будущей власти. И в конце концов, из Абая вышел бы обычный правитель рода, разве лишь украшенный поэтическим дарованием, которое помогло бы ему воспевать любовь и покой.

Жизнь вывела его на другое поприще. Степь была перенаселена. Пастбищ ковычек не хватало. Много родов, и в первую очередь род, которым управлял старший Кунанбаев, отец Абая, вели между собой борьбу за пастбища. Схватки, побища, родовая месть, кражи имущества, ожесточенная борьба родов делали прочное и справедливое устройство бытия почти невозможным. Вот что, прежде всего, почувствовал своим сострадательным сердцем Абай в дни детства. Убийства, насилия над бедными, произвол богатых — таков фон, на котором протекало детство Абая.

Мухтар Ауэзов, строгий и смелый художник, показал этот байский произвол с огромной жизненной правдой. Отражая кочевой родовой быт в художественной литературе, писатели или идеализировали его, рисуя чуть ли не как «золотой век», или же уходили в другую крайность — не находясь в кочевом быту ничего человеческого, отродного. Ауэзов нашел и правдивые краски, и правильное расположение фигур в этой огромной панораме степи, в ее быте, в ее правах. Получилось и глубоко поэтичная, и глубоко правдивая картина.

Как бы были оторваны казахи своим патриархально-родовым бытом от общественного движения, развивавшегося в России, струи этого движения все же проникали в степь, будили мысль, заставляли мечтать о другой, лучшей жизни. И мечта эта, естественно, лучше всего выражалась в песне.

«Абай» — роман не только о поэте, но и роман о песне, о мечте, о лучшей жизни. Идеалы этой лучшей жизни еще не оформились, смутно мерещатся Абая новые, справедливые отношения между людьми. Мечта воплощается в песню, и поэт мечтает о песне необыкновенной, новой, смелой. В начале романа старый акын Дулат, предчувствуя талант мальчика, подает ему домбуру и благословляет его на песню. «Абай, — пишет Ауэзов, — смутно и промолчал». Смущение это объясняется тем, что еще ребенком Абай понимал значение песни для степи и для него самого. И одной из самых трогательных страниц романа является описание того, как Абай почувствовал себя акыном, певцом, который нужен народу.

Путь Абая к песне сложен и тяжел. Овладев искусством степных певцов, он понял, что этого мало. Народ хочет других песен, еще более приближенных к жизни, еще более отвечающих мечтам его. Абай стал изучать арабских и персидских поэтов. Но и они не удовлетворили его. Тогда он обратился к русской поэзии, к Пушкину и Лермонтову. Появление казах в Семипалатинской городской библиотеке вызвало сенсацию среди семипалатинской интеллигенции тех времен. И до Абая, конечно, некоторые казахи учили русскую грамоту и читали русские книги. Но русскую поэзию, уже наверняка, он читал первым, и не только читал, но и изучал, но и переводил! Здесь он открыл новый мир — и для себя, и для своего народа.

«...Он не знал, что думать, что делать, что решать...»

И вдруг в этой буре душевной он вспоминает о прочитанном утром книге... Дубровский!.. Перед ним сразу же всплыли распри, переходящие от отцов к детям, вражда, терзающая его род из поколения в поколение: Кунанбаев и Божей... Такежан и брат Базаралы — Балагаш... Другой его брат Оралбай... Несчастная Кормила... Он вспоминал всех близких Базаралы, непрерывно терпевших обиды от родичей Кунанбаев, и тут же перед ним возник умирающий старик Дубровский, сложенный насильем Троекурова... А Владимир? Ведь и он был в плену вражды, но являл исцеление в любви к Маше... Так ли виноват Базаралы?.. Впервые для Абая правда искусства слилась с жестокой правдой жизни.

Абай принял «Дубровского» как руководство к действию. Протестуя против несправедливо проводимых выборов, Абай, вместе со своими друзьями, ломает праздничные юрты и выгоняет из степи губернские начальство, прехвавшее на волостные выборы. Это — открытое возмущение против царских чиновников. Остается, подобно Дубровскому, уйти в лес.

Но Абай не уходит. И вовсе не потому, что у него нет смелости. Абай смел. Но он не Степан Разин, не Емельян Пугачев, он не народный вождь. Он хороший, добрый человек, страстно мечтающий о счастье своего народа, однако он плохо понимает и знает пути, по которым народ должен идти к счастью. Он — искатель правды, но еще не революционер. И незаром глава, слушающая описание «буны» Абая, начинающаяся в Семипалатинске, а «катаклизмы», где арестованный Абай усердно читает русские книги, ища ответы на мучающие его вопросы. Вопросы много, и они все сложные.

Что такое Россия? Какова роль ее культуры в культуре казахского народа? Что такое русская поэзия? Что такое русская общественная мысль? Куда идти поэту? С кем идти?

Мне кажется, что М. Ауэзов в «Абае» дал правдивые и точные ответы на эти вопросы. В самые тяжелые и грустные дни жизни Абай к нему на помощь для разрешения мучающих его сомнений пришли умные и отважные представители русской интеллигенции. В поэте-бунтаре они увидели родного и близкого им человека. Прощаясь, перед отъездом в степь, с Михайловым, знакомым с его современными движением русской общественной мысли, Абай говорит замечательные слова:

«Сегодня я узнал вас глубже, чем раньше. Только теперь я понял ваши неопытные качества. Раньше я думал, что вы несете в себе лучшие мысли только русского народа, а я для вас — человек совсем из другого мира, далекого от вас, не известного вам, из чуждых вам пустынных степей с их непонятными нам мыслями... А вы точно знали меня за руку, повели на какую-то вершину, показали откуда стояли все народы и объяснили мне, что все люди — соратники, пусть хотя дальние. Вы и мое бытие не отбрасывали в сторону от мировой культуры. Мне казалось, что я не только сын казах, но и сын всего человечества... Для меня это — и гордость, и радость...»

Роман «Абай» написан в реалистической манере. М. Ауэзов, несомненно, учился у Льва Толстого. Однако, автор «Абая» внес в роман свои, своеобразные черты, и роман получился чрезвычайно оригинальным. Временами, особенно когда речь идет о любви Абая, он, подобно многим восточным героям, обменивается с любимой письмами. Искусство автора так велико, что этот казавшийся бы, традиционный прием кажется совершенно реальным. И читая роман, думаешь, что иначе и объяснить невозможно!

М. Ауэзов великолепно знает быт своего народа. Однако, он не перегружает роман мелкими деталями, — и роман течет быстро, читается с увлечением. Широкие картины жизни народа сменяют одна другую. Труд пастуха, кочевки, непрерывные походы из аула в аул, топот коней слышится на каждой странице, боевые схватки, состязания певцов, шутки, охота с собаками, — все это разбрызгивается, окруженное яркой степной природой, залитое пыльным степным солнцем.

И непрерывно над степью звенит песня! Прочтите чудесные страницы в нача-

ле второй части, когда Абай впервые после долгого сидения в городе выезжает в степь: «Повозка быстро катилась по обочине тракта, покрытой молодой, невысокой еще зеленью, — и вы сразу, всей душой, почувствуете степь, ее приволье, ее широту, и у вас, вместе с Абаем, зародится песня. А какой, полный нежности и печали, ведет Абай разговор со своей сестрой! Через несколько страниц другая картина степи. — Абай скачет рядом со своим другом Ерболом. Чтобы читатель ознакомился с замечательным мастерством пейзажа, свойственного Ауэзову, спешу выписать несколько строк, поразительных по выразительности и силе слов:

«У самого подножья холма путников настит листвен с порывами ветра. Но ветер скоро затих, листвен перешел в теплый дождь. Сложны Орды волновались белым, зеленой порослью низкого кочка и полын. Молодой осенний дождь шумел веселым потоком. В лино путника, славшим по каменстой дорожке, непрерывной волной лился запах полыни. Дождь пошел сильнее, тучи зловольки небо, совсем скрыв солнце, лишь над самым горизонтом повисла желтоватая мгла. Был ли это отблеск восточной зари или отражался в тучах солнечные лучи — последние лучи, утратившие последние силы и потухающие, как слабелюлая натежа? Еще невозможно — и этот бедный отблеск света погас. Туманное его зарево на миг светилось в темноту зорюгу завету лишь для того, чтобы, утрав последние краски, уступит на печальном бесцветном небе место ночной тьме».

Мне думается, что эти строки, как и многие другие страницы книги, можно отнести к лучшим образцам советской художественной прозы. Не нужно забывать еще, что это перевод, и перевод весьма неровный. Роман поражает читателя силой своих картин, но кое-где она терпит из-за неровности перевода. Например: «Мабасар, тяжело дыша, вылился между Кунанбаев и Даркембаев». На одной странице Базаралы стоит у входа в устье «слово тигрица, охранившая дотеперь», а на следующей той же Базаралы разогнал своих противников, и он от него «бегали, как собаки от раненого, разъяренного тигра». Не спорю о том, что тут тут типично, само по себе сравнение совершенно не в духе книги, написанной спокойно, без вычурности. Встречающие «волнующие думу напевы» и вообще выражения чересчур плоские. Но все это частности, которые легко исправить в следующем издании книги.

В общем, перед нами громадное культурное явление: я бы не побоялся назвать его великим.

Тридцать один год тому назад, под мощными ударами социалистической революции, руководимой партией Ленина — Сталина, в нашей стране впервые был прорван фронт мирового империализма. Русский народ вместе с другими народами нашей страны низверг империалистическую буржуазию. Власти пришел социалистический пролетариат, который в течение тридцати одного года, окруженный врагами, неоднократно нападавшими на нашу страну, построил социализм на одной шестой части земного шара. За исторически короткий срок наша отчужденная, преодолела свою вековую технико-экономическую отсталость, предалась перед всем миром, как могучая индустральная держава, как держава, где культура и искусство подняты на необыкновенную высоту.

Сорок лет тому назад в Казахстане не было типографии, где можно было бы напечатать стихи Абая. Да что типографии! В сущности, казахи не имели и своих городов. Прочтите «Абая», и вы увидите, что казахи приезжали в города как гости. Все казахи, за некоторым исключением, жили в степи. А ныне, — не говоря уже о других культурных достижениях, — на юбилей МХАТ вы могли видеть, как казахские актеры с поразительным мастерством исполняли отрывки из Шекспира!..

Великим и бесспорным законом всех народов является равноправие всех национальностей и рас. Наша советская демократия, объединяя в одну семью братские народы, направляет все их усилия на общее процветание нашей могучей многонациональной Родины.

Вот почему в нашей стране могли развиваться и расцветать национальное искусство, национальная литература.

Вот почему у нас мог появиться роман Мухтара Ауэзова — «Абай», роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост самого писателя, на его всеобщее развитие, позволявшее ему создать удивительно многозначный роман, зарисовывающий огромное полотно с множеством отлично отделанных фигур, с движением народных масс, написавший роман, полный человечности и веры в человека.

Абай говорит Михайлову: «Мне радостно, что я не только сын казах, но и сын всего человечества». Тогда, в условиях царской России, эти слова могли сказать весьма немногие, а особенно среди казахов. Ныне все страна наша — русские, украинцы, казахи, грузины, армяне, все народности Советского Союза с гордостью и радостью могут сказать о себе, что все они являются истинными сынами великой социалистической Родины и человечества, заинтересованными в процветании общечеловеческой культуры, в процветании мира, в его честности и счастье, в его творчестве.

И мы укажем это с тем большим правом, что они спасли мир от варварства, от фашизма и продолжают спасать его и ныне, продолжают упорно бороться за счастье мира. — а бороться мы есть чем! Отказа наша час от часу делается все краше и богаче, все сильнее и могучее, и все выше поднимает она знамя животворящих победоносных идей чепца Ленина — Сталина!

Лет 60 тому назад латвийский поэт Андрей Пумпурс по мотивам народных сказаний написал эпос «Лачлисес». Лачлисес — латвийский народный герой. Он ведет борьбу с нечистой, чтобы освободить свой народ. В то время, когда эта пьеса кажется уже достигнутой, пред Лачлисесом встает новый латвийский и коварный враг — Черный рыцарь, символизирующий торгашество на латвийскую землю немецких захватчиков. В схватке на берегу Даугавы Лачлисес вместе со своим противником падает в стремнину и погибает.

Автор эпоса Андрей Пумпурс, полный жгучей ненависти к немецким наемникам-рыцарям, поработившим его народ, зорким оком видел единственный правильный путь для латвийского народа — совместный путь с русским народом. Он закачивал свое произведение пророческими словами о том, что придет время, когда Лачлисес сбросит в пучину своего противника, — тогда для народа начнутся новые времена, и он освободится навеки.

Имя Лачлисеса стало символом борьбы латвийского народа за свободу. Много лет спустя наш замечательный революционный поэт Янис Райнис написал по мотивам пумпурсовского произведения свою лучшую пьесу «Огонь и ночь» — «старую песню в новых звуках», как он сам ее назвал. Пьеса Райниса подыала на новую идейную высоту борьбу латвийского народа против угнетателей и сыграла революционную роль в этой борьбе. Пролог пьесы заканчивается словами о новом поколении, которое доведет освободительную борьбу до конца.

Почти 40 лет прошло с появления «Огня и ночи», и мотив Лачлисеса опять по-новому зазвучал в стихах народного поэта Латвийской ССР Яна Судрабальса. Это было в годы Великой Отечественной войны. Немченко-фашистские полчища, кровавые потоки Черного рыцаря, топтали латвийскую землю; но поэт видел близкий час освобождения. Судрабальс снова пел о Лачлисесе — пел о воинском духе латвийских бойцов, на шите которых сияет пятиконечная красная звезда, пел о нерушимой дружбе латвийского народа с русским.

Так лучшие представители латвийской литературы в разные периоды истории образом Лачлисеса правильно указывали латвийскому народу путь к свободе — путь, общий с великим русским народом.

В двадцать с лишним лет насильственной оторванности от русского народа могли лишь задержать, но не свернуть латвийский народ с общего боевого пути. За 20 с лишним лет власти латвийской буржуазии, фальсифицируя историю литературы, не смела сделать для того, чтобы вытравить из сознания молодежи правильное представление о таких подлинно народных и революционных писателях, как Эдуард Вейденбаум, Судраба Эдмунд, Леон Пагзис и др. Буржуазия замалчивала страстную революционную позицию Райниса, она ставила препятствия на пути творчества Андрея Упита и в конце концов лишила его права печататься под своим именем. А молодых революционных поэтов и прозаиков — Андрея Балодиса, Индрикуса Левачиса и других она пыталась в тюрьмах.

Но идея Великой Октябрьской социалистической революции словно всевозможные буржуазные рогаки проминала в Латвию, оплодотворяла народную культуру. Эти идеи доходили до масс в нежелательных изданиях и в живых словах людей героической компартии Латвии, борющихся в глубоком подполье за победу народа. И когда волей народа в республике была провозглашена советская власть, когда были сняты все препятствия, мешавшие росту национальной народной культуры, когда на страницах советской латвийской печати появились стихи и рассказы писателей, получивших возможность свободного творчества, когда на заводах, в селах зарождались кру-

жки художественной самодеятельности, — уже тогда стало очевидно, что и в годы оторванности латвийского народа от советской Родины идеи Октября пустила глубокие корни в подлинно народную латвийскую культуру. Они подерживали, наподливали силой все лучшее, переживая в этой культуре. Эти октябрьские восходы стремительно назывались живительными соками современности. Перед национальной народной культурой Латвии открылся светлый путь развития, которое непрерывно продолжается.

Выступая на VII сессии Верховного Совета СССР в 1940 году, В. М. Молотов заявил по поводу провозглашения советской власти в прибалтийских республиках: «Нет никакого сомнения в том, что вхождение этих республик в Советский Союз обеспечит им быстрый хозяйственный подъем и всеобщий расцвет национальной культуры...»

Эти слова полностью подтвердились — тому свидетельством сама жизнь, сегодняшняя жизнь Латвии. Можно было бы привести цифры — в них мы почувствовали бы саму историю латвийского народа, глубокие изменения в его судьбах, внесенные советским строем. Но, что промысленность республиканцев превозносит задания, — отрядный факт! Но он двойное отраден потому, что продукция, производимая ныне рабочим классом республики, — новая: в нее входят электрифицированные заводы, универсальные деревообрабатывающие машины, автоматические телефонные станции, шахтные телефонные аппараты, складные домики, электромоторы и др. Все это в Латвии никогда раньше не производили.

Государственные планы заготовок сельскохозяйственных продуктов республика не впервые перевыполняет досрочно. Но в нынешнем году она завершила эти планы особенно успешно. В этом сказывается действие новой могучей силы, быстрее развивающейся в латвийской деревне, — силы первых сотен колхозов Латвии.

Латвийский рабочий сегодня — это технически образованный человек и смелый новатор. Он почувствовал в себе уверенность хозяина земли, трудящегося на себя, на свой народ. Он овладевает передовой советской техникой и умеет даять ее вперед. Он ломает устаревшие нормы. В республике есть рабочие, которые уже завершили или завершают производственные задания конца следующего пятилетия!

У нас появились также новый тип крестьянина — крестьянина советского, для которого интересы общества превыше всего. Герой Социалистического Труда Эрнест Зебергс оплотняет те лучшие качества, которые воспитывают в себе латвийские земледельцы. Крестьянин этого нового типа — человек высоких стремлений, обширного кругозора, охваченный жадной творить для Родины, для народа.

Советская власть вернула народу — рабочим, крестьянам, интеллигенции — все сокровища его культуры, похищенные буржуазией. Уже в первые годы после освобождения Риги от немецко-фашистских захватчиков вышли в свет собрания стихов Эдуарда Вейденбаума и Леона Пагзиса, забытые произведения Судраба Эдмунда; издаются полные собрания сочинений Яниса Райниса и Андрея Упита; плодотворно работают прозаики и поэты, выросшие на полях Октября. Даже беглый взгляд на латвийскую литературу сегодняшнего дня дает яркое представление о происшедших в ней глубоких изменениях.

За двадцать с лишним лет своей власти латвийская буржуазия не дала ни одного литературного произведения, которое вышло бы за рамки посредственности и убожества, чем вообще отличалась вся ее культура. В свое время она подыала на шить канжуры реакционного придворного писателя кулацкой партии — «крестьян-

ского Союза» — Эдуарда Вейра «Страшное». Эта книжка — хвалебный гимн кулаку, она идеализировала кулацкое хозяйство, патриархальный быт.

Кулацкая литература Уаманаса рухнула. И латвийская советская литература сорвала маску с кулака, раскрыла его истинное лицо хитника и грабителя. Великий мастер латвийской прозы, народный писатель Андрей Упит в своем романе «Зеленая земля» показал латвийского кулака еще в те годы, когда он закупал землю у немецких помещиков, становился «серым бароном», пришедшим на смену немецкому барону. Писатели Арвид Гринулис, Ална Саксе и другие в своих произведениях обрисовали звериный облик кулака. Народные массы Советской Латвии находят в этих книгах портрет заклятого эксплуататора, проникаются ненавистью к этому злейшему врагу советской власти.

В литературных образах сегодняшнего дня латвийский народ в совершенно новом свете видит главную руководящую силу своего исторического развития — рабочий класс. В пьесе А. Гринулиса «Ганна и фарфор», в пьесе Ю. Ваана «Встреча на берегу» выступают советский рабочий как зрелый хозяин жизни, человек, смеяло создающий свою судьбу.

Национальная народная латвийская культура своей жизнью, своим настоящим и будущим обязана советской власти, великой большевистской партии. Успехи этой культуры очевидны для всех. Достаточно упомянуть тот факт, что народный писатель Латвийской ССР Андрей Упит, народный поэт Ян Судрабальс, драматург Арвид Гринулис, а также 11 работников театра и два новатора промышленности удостоены Сталинских премий. Это яркий показатель бурного развития культурной жизни республики, которая характерна для сегодняшней Советской Латвии.

Летом 1946 года Советскую Латвию посетили английские парламентская делегация. Среди англичан находился известный британский журналист Г. Шаффер. Делегация ознакомилась с ходом восстановления латвийской республики, побывала на заводах, в совхозах. Возвратившись на родину, Гордон Шаффер на страницах «Рейнольдс ньюс» поделился впечатлениями о пребывании в Советской Латвии:

«Хотя Латвия сильно пострадала от войны, она восстанавливается гораздо быстрее, чем любая западноевропейская страна, положение которой можно было бы сравнить с положением Латвии... В ближайшие пять лет Латвия будет получать уголь, нефть, зерно и заводское оборудование непрерывным потоком... Нигде в мире никакие другие страны не снабжаются в таких широких масштабах».

Далее Шаффер заявляет, что «...с тех пор как Латвия стала советской, в ней гораздо успешнее развивается латвийская литература и искусство».

Это признание английского журналиста весьма показательно. Ведь в той же Англии еще оканчиваются на задворках выношенные за борт истории, прожитые политические интрижки, которые продолжают выдыхать «о судьбе маленькой Латвии», о ее будущем и издают потоки грязи и клеветы на нашу республику, на наш народ.

И мы, политическим мертвецом, посланным кулаком в руки американских и западноевропейских экспансионистов, говорим о будущем Советской Латвии?

Мы уверены, нем по пути, указанному великой партией Ленина — Сталина, — к коммунизму. Латвийский народ, чью независимость и национальную свободу спасла советская власть, уверенно смотрит в свое будущее. Для нас ярко светит неугасимое солнце Октября, зажатое великой партией Ленина — Сталина. Это солнце озаряет наш светлый победный путь!

ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ ОБРАЗ

Л. КРУПЕНИКОВ

Лена Зорина запомнится всякому, кто прочтет коротенькую повесть Сергея Антонова, названную по имени героини. Звенеющая комсомольского звена в разоренном оккупацией валайском колхозе, эта девушка является одним из передовых участников послевоенного созидания в деревне. Лена — широкотелая и курносая, лицом похожая на малышку, веселая колхозная девушка.

Сюжет повести несложен. Он посвящен истории борьбы Лены Зориной и ее звена за рекордный урожай. Эта борьба, работа звена, споры с председателем колхоза, озабоченным выдать полнотонное количество посевного зерна для опытного участка, — вся, казалось бы, будничная жизнь колхоза изображена так поэтично, захватывающе и ярко, что это захватывает и волнует события в маленьком валайском колхозе.

Удача С. Антонова объясняется тем, что в небольшой повести ему удалось раскрыть характер героини, удалось зарисовать живой, полнокровный образ нашей современницы.

Уже первое появление Лены, ее как будто бы не слишком благодушный поступок — рискованный переход через реку в ледоход — рисует нам ее упорство, зазор, смелость. Лена — вожак колхозных комсомольцев, инициатор междоу нового, она не дает людям успокоиться. Недаром старик-перевозчик говорит:

«...Пока ее нету, все тихо, мирно, а при ней слышится что творится».

И когда проголодавшей весной колхозники, поднимаясь после исторического решения февральского пленума ЦК партии на новые трудовые подвиги, обсуждали свои планы, Лена вместе с комсомольцами взяла обязательство вырастить невиданный урожай — тридцать два центнера с гектара.

Прежде чем начать борьбу с природой, пришлось бороться с отсталыми людьми, — с теми, кто сомневался в возможности вообще получить такой урожай, с теми, кто не верил в силы Лены и ее товарищей. Эта борьба Лены изображена очень убедительно.

Сергей Антонов. «Лена». Повесть. «Звезда» № 7, 1948.

Л. КРУПЕНИКОВ

Особенно удачно зарисовано колхозное собрание. Напрасно председатель колхоза старался, чтобы все было тихо и гладко, чтобы все выступающие говорили по заранее намеченному плану. Сидел председатель с грустным лицом и тупо слушал караданом по графику, огорченно поглядывая на представителя из района, молодого агронома Деметия. Но Деметий, вопреки предположениям председателя, был доволен, — люди разговаривали по душам, горючи, с огоньком.

В этих неподготовленных речах чувствовалась столько веры в свои силы, такое понимание больших всероссийских задач вместе с тем такая точность и реальность планов и мечтаний, что читатель повести не может не поверить в достоверность, жизненность и правдивость ее героев.

Привлекательно нарисованы вечерние посиделки колхозной молодежи. «...Возле избы Марии Тихоновны лежало насквозь просушенное солнышко бревно. Много лет лежало оно, серое, серебристо-блестящее, пылящее от солнца, в росе вонючее, словно пробитых по шпунту трещинах. Почти на четверть вросло оно в землю. Небольшая круглая площадка между бревном и полой была вытоптана сапогами и туфлями, выбивавшими так до чужного знопа, а пш трещины не могло вырасти на этой площадке. Лишь чумазые от пыли личики гусиной травы нугливо забивались под бревно да под сапоги, аполупнутой у заваляшки. Четыре толстых березы, чудом уцелевшие от немцев, стояли вокруг этого места».

Изобра предметом своего изображения традиционные посиделки, автор раскрывает при этом то новое, современное, что все глубже проникает в жизнь послевоенной колхозной деревни. Разговоры девушек и парней о своей работе, о будущей жизни дают яркое представление о характерах комсомольцев и комсомолок валайского деревни Шомухта и прежде всего о характере Лены.

Яркий образ Лены обрисован автором многообразием — девушка предстает перед нами и в опасные минуты ледохода, и на

колхозном собрании, где упорно отстаивает свое новаторское предложение, и в поезде во время напряженного труда.

Значительное место в повести занимают взаимоотношения Лены и молодого районного агронома Деметия. Девичий зазор, шутки и проделки Лены над выхоленным в нее агрономом сменяются иным отношением, — мы присутствуем при возникновении еще не совсем определенного рабочего ответного чувства.

Упорная, беспоконная, настойчивая в достижении больших целей, героиня повести С. Антонова действует не по призыву автора, — все поступки Лены, все ее слова и помыслы вытекают из характера, в котором видны черты передового человека нашего времени, воспитанного комсомолом, активного работника нашей послевоенной эпохи.

Добавившись в изображении основной героини несомненного успеха, автор, к сожалению, менее удачно показал других персонажей своей повести — агронома Деметия и председателя колхоза. Образ Деметия бледен и расплывчат. Перед нами как бы два разных человека: один — традиционный, языко заваля, бездельно влюбленный юноша с его довольно неопределенными и малоприятными переживаниями, и другой — передовой агроном, нарисованный, вполне, очень схематично.

Самостоятельный труд Лены и ее товарищей не приводит, на первый взгляд, к победе. Стихийные бедствие — град — губит плоды напряженного труда ее звена. Но ее не приводит, ее попарывает деятельность незначительного — такова прилика колхозной строя — халодит поражающее; по ее способу в ряде сменяемых колхозов засеяны участки, названные, в честь инициатора, зоринскими.

Расставаясь с Леной, мы уверены, что она добьется своего и вырастит небывалый урожай. И мы не можем не порадоваться ее громадным успехам, потому что автор заставил нас полюбить эту живую, загорелую и обаятельную девушку.

Провал Дьюи

Профессиональные пророки американской буржуазной прессы изрядно ошарашены. Вопреки их политическим гороскопам, в Белом доме снова Трумэн. По почти полным неофициальным данным, полученным из 130.309 избирательных участков (асега их насчитывается 135.855), Трумэн получил 23.388 тысяч голосов, Дьюи — 21.383 тыс., Уоллес — 1.109 тыс.

Поразительная, а бы сказал, самовольная уверенность Томаса Дьюи и всей республиканской реакционной клики в своей победе на президентских выборах еще раз обнаруживает, как плохо они разбираются в истинных настроениях своего народа.

Простые люди США проголосовали за Трумэна не потому, что они очарованы его предыдущей политической деятельностью или его личными качествами. Нет, здесь действует «теория меньшего зла». Уж лучше Трумэн, чем неприкрытый реакционер и один из самых злостных поджигателей войны Дьюи с его откровенными антинародными фашистскими взглядами. Мрачные физиономии Даллеса, Бендерса, Томаса, Тафта, Харриса и прочих зурбав американской реакции, выглядевшие из-за плеча Дьюи, тоже не способствовали его популярности.

Тот, кто наблюдал за предвыборными речами Трумэна, мог заметить демонстративное «полевое» его политическое декларирование. По подсчетам американских газет, Трумэн произнес 272 предвыборных речи. Если первая из них была выдержана в туманном стиле коротко-бесполезного красноречия, то в двести семьдесят второй речью Трумэн в президентскому креслу Трумэн честит республиканцев «прислужниками капитала» и «монополистическими тиранами».

Когда к подобной терминологии прибегает рядовой американский гражданин из прогрессивного лагеря, это немедленно вызывает свирепые административные репрессии против него вплоть до увольнения с работы, политической травли и даже заключения в кутузку.

Трумэн даже прокламаторствовал в русле лозунгов «нового курса». Хотя и весьма неопределенно, но все же он обещал введение социальных реформ. Он заклеймил антирабочий и несправедливый закон Тафта-Хартли, одобренный Дьюи. Он усердно поносил республиканский в своем большинстве сенат за его высочайшее пренебрежение к народным нуждам, к вопросу о контроле над ценами и к проблеме нехватки жилой площади в Америке. Чтобы привлечь голоса евреев, Трумэн обещал установить дипломатические отношения с государством Израиль. Чтобы привлечь голоса негров, Трумэн обещал уничтожить расовую дискриминацию. Словом, Гарри Трумэн не лгнул на обещания!

Дьюи публично чмокал младенцев, глядя счастливо, принадлежавших избирателям, в вприлом хоре своих верных боссов распевавших сентиментальные песенки об американском процветании. Верный своему искаженному представлению об американском народе, Дьюи потчевал его в своих речах прекационными в кровавом атомном стиле, не замечая, что народ жаждет хлеба, жилья и прочного мира. У народа с его трезвым реалистическим сознанием есть прироченный инстинкт против яда антисоветской клеветы. Республиканцы поли жертвой самоотравления. Им не помогли ни угрозы, ни провозы, ни акробатские выступления в кабачках, ни миллионы долларов, истраченные на предвыборные махинации.

У американского народа выбор был не велик и не разнообразен: Трумэн или Дьюи. Что касается третьего кандидата в президенты Уоллеса, то известно, как жестоким преследованиям подвергается в США прогрессивная партия. В трех ста-

тах (Иллинойс, Небраска, Оклахома) ее кандидаты вообще были исключены из избирательных списков. Ее сторонников под всякими предлогами лишали права голоса. Ее митинги безнаказанно разгонялись.

Из многих университетов увольняли профессоров, поддерживавших Уоллеса. В штате Джорджия, где прогрессивная партия могла рассчитывать на голоса негров, банды (очевидно, нанятые в счет того же многомиллионного избирательного фонда) подбрасывали в дома негров маленькие гробы в знак того, что негры будут убиты, если попытаются голосовать. В южных штатах негров не допускали в избирательные помещения. В городе Олстон негра Никсона застрелили в его доме на глазах его семьи за то, что он проголосовал на выборах вопреки предупреждению этих банд.

К тому же прогрессивная партия, не обладая средствами, не могла создать аппарат для проверки итоговых данных выборов, которые, несомненно, подвергались всяким махинациям на местах.

Многие миллионы немущих американцев вообще не могли осуществить свое право голоса, теоретически признанное за ними конституцией США, так как они не в состоянии вносить избирательный налог. Другие не участвовали в выборах потому, что являлись неграмотными или вследствие иных ограничений, установленных для избирателей из народных низов. Голосовало менее половины избирателей.

50 миллионов американцев не голосовали. Они полове не нем. Но когда они обречут голос, они отдадут его за прогрессивных деятелей США.

Многие избиратели отдали свои голоса вместо Уоллеса Трумэну, боясь, что иначе пойдет Дьюи. Таким образом, нелепый парадокс системы буржуазных выборов привел к тому, что сторонники Уоллеса не голосовали за Уоллеса, чтобы не прогнать в президенты Дьюи.

Наконец, изрядное количество американцев не голосовало потому, что в условиях прохладного, хищнического, эксплуататорского социального строя современной Америки давно уже пребывает в состоянии своеобразного политического инфантилизма.

Народ голосовал не столько за Трумэна, сколько против Дьюи. Народ забаллотировал почти всю враждебную кинематографию, расследования антиамериканской деятельности, в том числе небезызвестного черносотенца Макгоуэрала. Народ провел в палату представителей члена американской рабочей партии Маркатоно, победившего республиканца банкира Ялеса и демократа Морриса. В штате Нью-Йорк народ провел пять кандидатов, поддерживавших рабочей партии, в том числе негра Поулза, лаберальных демократов Шеффера, Селлера.

Трумэн пришел в Белый дом на гребне своих широковещательных обещаний американскому народу, угнетенному рабочему классу, выпавшим фермерам. Как каждый делец, Трумэн приняв выданные обещания. Сейчас уже нет в конгрессе республиканской большинства, которое, по словам Трумэна, единственно мешало ему проводить социальные реформы. Скоро народ увидит, будут ли оплачены избирательные обещания или тот, кто выдал их, остался таким же банкротом, каким был до сих пор.

В тех стесненных условиях, которые ему были предоставлены, американский народ активно заявил, что он против откровенно реакционной и наиболее агрессивной программы Дьюи. Американский народ выступает за мир, за демократические свободы, против поджигателей войны и безудержной тирании монополистического капитала.

Подручный Бевина — Гектор Макнейл

Как только английские лейбористы пришли к власти в Бевин самозовольно опустился в кресло министра иностранных дел, он поспешил во всеуслышание заявить, что лейбористское правительство будет последовательно проводить внешнюю политику консерваторов. Для того чтобы преемственность была полной и безупречной, Бевин сохранил на прежних постах весь многочисленный старый дипломатический аппарат, разбросанный по всему миру.

В самом деле, кто же, как не воспитанники дипломатических колледжей, люди «голубых кровей», титулованные разведчики и колонизаторы могли успешно продолжать традиционную британскую политику — «разделяй и властвуй»? Кто лучше нас смог бы лавировать в Вашингтоне, питрговать в Индии, подстрекая в Палестине, командовать на Ближнем Востоке, натравливать в Индонезии?

Однако в самом министерстве иностранных дел в Лондоне все же появились новые фигуры сравнительно молодых, хотя и не в меру самоуверенных людей с красными галстуками. Это лейбористское пополнение дипломатов начало беспеременно растлачивать доктринами подсысанных и пошедших питомцев Итона и Кембриджа, поубойней пристравляя по лесу и по правую руку Бевина.

Среди этих лейбористских молодчиков в дипломатических фраках, осевших в Форин-оффисе, особенно преуспел Гектор Макнейл. Журналист по профессии, он прошел первую школу в консервативной газетке «Скоттиш дейли экспресс». В 1935 году двадцатипятилетний Макнейл уже рискнул выставить свою кандидатуру на выборах в парламент. Вначале его парламентские порывы были бесплодными. Он провалился и в 1935 и в 1936 годах. Далее последовало ловкое прислужничество лейбористским «боссам», которые в 1941 году, в конце концов, протолкнули Макнейла в английский парламент.

Здесь Гектор Макнейл получил такую английскому парламентскому лакею, которое так необходимо сейчас лейбористским ораторам независимо от того, выступают ли они перед голодающими грузинскими Дюлонами или с трибуны Генеральной Ассамблеи. Возможно, что именно в парламентском баре Макнейл окончательно приоткрылся к национальному паутнику — виски, который и служит ему ныне основным подспорьем в его криливых речах. В кругах Генеральной Ассамблеи общепризнано, что по пристрастию к спиритному с Макнейлом может тягаться лишь сам Жюль Бардо.

Впрочем, не будем останавливаться на тайных, ставших явными, пороках бывшего помощника министра иностранных дел Великобритании, а теперь государственного министра Гектора Макнейла. Как-никак, «бравый потлазень» — так любят именовать себя Макнейлы — состоит в ранге министра, а министры в Англии всякие бывают...

Что касается Макнейла, то он стал министром, главным образом, благодаря верности Бевину. Считают, что Макнейл особенно отличился перед своим «боссом», отпавившись в 1945 году со специальной миссией в Грецию. Можно не сомневаться, что он приложил свою руку к кровавой расправе над греческими патриотами, которая под руководством англо-американских советников продолжается и по сей день. Не случайно и на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи от английской делегации по греческому вопросу выступает все тот же специалист по «мокрым» греческим делам Макнейл. Именно он лично называл «бавантами» греческих демократов, защищая профинансированную клику Цаллариса и кричал об английских стратегических интересах в Греции. Не

случайно именно Макнейл выступал как доживитель греческих монархо-фашистских палачей против предложения Польши и Югославии, поддержанного советской делегацией, — о спасении жизни десяти неминуемо осужденных деятелей греческого профсоюзного движения.

Известно, что после Бевина самые гнусные антисоветские речи принадлежат Макнейлу. Такими речами он отличился еще на прошлой сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Когда глава советской делегации А. Я. Вышинский разоблачил Черчилля, как одного из поджигателей войны, на трибуну вскочил лейбористский защитник консервативного лидера Макнейл, и, нисколько не смущаясь, начал восхвалять Черчилля. Вся его речь была враждебной Советскому Союзу. Комментируя это гнусное выступление, лондонская газета «Дейли уоркер» писала в сентябре 1947 года, что речь Макнейла инспирирована Уолл-стритом и что это выступление явилось самым ожесточенным антисоветским выпадам, сделанным британским государственным деятелем со времени окончания войны.

Делегаты нынешней сессии, присутствующие на заседаниях Политического комитета, не раз были вынуждены высказывать данные сумасбродные излияния Макнейла. Лейбористский министр, которого Остин и Даллес обычно выпускают к микрофону раньше себя, рывко заминал атомную политику американских милитаристов. Изво всех сил Макнейл пытался дискредитировать советские предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений.

В своих речах он не брезгует ни клеветой, ни подтасовкой фактов, ни злостными вымыслами. В этом деле он, как говорится, из молодых да ранний. Не зря именно ему поручаются ответы на запросы в английском парламенте по наиболее деликатным внешне-политическим делам.

Когда в мае этого года в палате общин были сделаны запросы о массовых казнях в Греции, то Макнейл в одном случае пролил крокодильи слезы, а в другом прямо заявил, что все казненные «были осуждены судом по всем правилам». Какими «правилами» у палачей греческого народа и их покровителей, говорить не приходится.

Устами Макнейла британская разведка вынуждена была заявить в парламенте в апреле 1948 года о том, что пресловутый «протокол М» является грубой фальшивкой, хотя до этого тот же Макнейл утверждал совершенно обратное. В подобных случаях эй лейбористский деятель не краснеет, а если и краснеет, то не от стыда, а от виски.

Подобно своим английским и американским коллегам, Макнейл любит рекламу. Недавно лейбористский дипломат выступил в Париже с лекцией на тему «Достижения ООН в политической и социальной областях». Макнейла выпустили на сцену, предварительного покровительственно похлопав его по плечу, председательствовавший на этой лекции Даллес. Для того, чтобы поощрить своего английского прислужника, Даллес заявил, что, как он читал в справочнике, любимым спортом Макнейла является «умная аргументация». Увы! — ни ума, ни аргументации хваленый лектор не обнаружил. Но обоим английским и американским лакеям, он постарался всю свою «лекцию» построить на клеветнических вымыслах и враждебных выпадах по адресу Советского Союза. И на этот раз подручный Бевина и подпевала Черчилля был в своем обычном репертуаре. Удальтесь не приходится: с кем поведешься, от того и наберешься.

Г. ПЕТРОВ
ПАРИЖ, 9 ноября. (По телеграфу).

АМЕРИКАНИЗИРОВАННЫЕ КВИСЛИНГИ

В послевоенные годы в норвежской литературе появилось много новых имен. Всеобщее внимание привлекала выпавшая вскоре после освобождения страны первая книга молодого писателя Сигурда Эвенсена «Беглецы». В своей, во многом автобиографической книге писатель показал, как у простых людей Норвегии, столкнувшихся лицом к лицу с ненавистными захватчиками, растут чувства национальной гордости и человеческого достоинства, пробуждается классовое самосознание, и это дает им силы мужественно переносить пытки, умереть с гордо поднятой головой — умереть победителями.

Те же благородные чувства были проникнуты стихами молодой поэтессы Ингер Хагеруп (сборник «Вперед»), произведения Иохана Боргена, Торбьор Недрес и многих других. В тот первый период после окончания войны тема освободительной борьбы преобладала в прогрессивной норвежской литературе.

Но вскоре общее положение в стране резко изменилось, и перед писателями возникли новые задачи. Дело в том, что и в норвежской политике, и в литературе выплыли на поверхность ренегаты и реакционеры, всякие кейбхузы и эвелянды, объявившие новый крестовый поход против коммунизма, против Советского Союза — великой страны, не только связанной узами дружбы с маленькой Норвегией, но и принесшей ей избавление от немощного ига. Услужливые пособники англо-американских империалистов начали на все лады твердить, что Норвегия «неразрывно связана с западной культурой» и «западной формой демократии». Болтовня эта, по существу, сводилась к пропаганде «плана Маршалла» и подготавливала почву для полного экономического и политического закабаления Норвегии американскими эмпасионастами.

Вполне естественно, что в этой обстановке перед передовыми норвежскими писателями возникла насущная, жизненно важная задача — дать отпор новым лживым свободам их родины. Среди произведений, активно вторгающихся в жизнь нынешней Норвегии, пожалуй, наиболее яркими и лучшими являются два романа: «Тропа любви» Иохана Боргена и «Он нажился на войне» Эйвина Болстада.

В «Тропе любви» действие происходит в маленьком провинциальном городке, вернувшись к мирной жизни. «Отцы города» — предприниматели и торговцы, хотя и убедив местных жителей в том, что фашизм разбит и поэтому больше не опасен. «Мы живем в демократическом свободном обществе», — говорят они. Между тем, прикрываясь маской лицемерного миролюбия и благодушия, они ведут упорное наступление на демократические свободы, подготавливают возрождение партии, которая еще не забыла периода своего величия во время оккупации, и призывает не отступать от своих идеалов в ожидании появления нового фюрера. Этой возрождаемой партией претельствуют «потенциальные» граждане города оказывают всемерную материальную поддержку.

С возмущением и сарказмом разоблачает Иохан Борген претельскую сущность политики правых социалистов, которых в распростертых объятиях принимают крупные буржуа, убедившись, что эти «социалисты» готовы лаять им подметки.

Проблема отпора реакции еще острее поставлена в романе Эйвина Болстада «Он нажился на войне». Писатель показывает, как военные преступления, претель родины, нажившие миллионы состояний, сотрудничая с немцами, остались безнаказанными. Многие квислинговцы, убившие после разгрома немцев под Сталинградом в неизбежности поражения фашизма, быстро «перестроились», стали так называемыми «гребнями» — как норвежский народ метко окрестил тех, кто, получив приближенные гибли своих хозяев, своевременно начал

«гребни на правый берег». Доким «гребни» ухватились даже украшать свою грудь орденами за мифические патристические подвиги и в качестве «героев сопротивления» захватили руководящие посты в важнейших отраслях норвежской экономики и политики. Не все предатели, однако, успели во-время «сменить лошадей». Казалось, что возмездие за совершенные преступления совершенно неизбежно постигнет их. Но и для них был найден спасительный выход. Услуги этих людей охотно пользуются новые законские хозяева. Претельский перекрашиваются под «истинных патриотов», они же, в знак признательности, становятся послушными орудиями в руках своих благодетелей — яркими пропагандистами политики развязывания новой войны.

«Расстрелянные не говорят, замученные молчат. Воды устали плакать. На стенах — портреты погибших, под ними лежат. Но скоро их снимут и похоронят в ящик... Наступил будни», — с горечью пишет Болстад.

Основные события в романе происходят на большом военном заводе. Рабочие «облают» забастовку, требуя прекращения стачки директора завода Людвига Крама за сотрудничество с немцами. Крам и его тесть Гофман, владелец завода, зажившие миллионы на поставках немцам минных заливок и печей для барбиков, развешивают продуманную до мельчайших деталей кампанию за спасение своего «добраго имени». В ход пускаются подкуп, клевета, попытки опорочить вожак забастовки, и, наконец, нажимается основной рычаг: Крам предлагает свое сотрудничество агенту иностранной разведки и одновременно видному норвежскому государственному деятелю — Арнольду Сейму. Между ними происходит длинно-откровенный разговор.

«Мы вступили в атомный век, — говорит Сейм. — И мы теперь другие. Все изменилось. Также и чувство патриотизма, господин Крам. Любовь к родине не воплощается более в представлении о защите с оружием в руках любимых нами гор. Сегодня любовь к родине — это стремление сохранить существующий общественный строй... Самое важное для норвежца — аseo понимать, где наше место на европейской карте».

Изменился Сейм либерально поучает претель Крама, что «чувство патриотизма» не должно лишать человека перспектив. А эта «сражущая перспектива» заключается в том, чтобы заранее обеспечить место Норвегии в будущей войне. «Как Испания и Греция», — определяет Крам.

Появление обоих романов и широкий отклик, который они получали у демократического читателя, говорят о большой политической значимости поставленных в них проблем.

Как известно, в начале июля этого года норвежское правительство подписало двухстороннее соглашение с Америкой; тем самым Норвегия стала одной из «стран плана Маршалла». Событие, слово «двухстороннее» дает неправильное представление о договоре, поскольку право решения любых вопросов принадлежит исключительно американцам. Они определяют не только размер и характер «помощи», но и назначают своего администратора, который должен наблюдать за экономикой, финансами и внешней торговлей Норвегии.

Политическое, зависимое положение Норвегии с современной откровенностью зафиксировано в каждом пункте «двухстороннего соглашения». В этих условиях произведение Боргена и Болстада говорит о том, что лучшие писатели Норвегии высоко держат знамя общественно-прогрессивных традиций своих славных предшественников и мужественно стоят в первых рядах борьбы за свободу и независимость своей родины, за истинную демократию и мир. Это подлинный голос норвежского народа.

Творчество талантливого народа

Заметки с выставки польского народного искусства и художественных ремесел

У входа в один из выставочных залов на высоком постаменте стоит вырезанная из дерева фигура «Жниц». Слегка прищурив глаза, смотришь на нее посетитель.

А рядом развешены, расставлены, разложены на подставках и в раскладных удивительных творениях рук, таких вот, как она, трудных женщин Польши. Из простой цветной бумаги созданы тончайшие ажурные вырезки, как золотая «слеза» с петушками или целая жаровая сценка, изображающая сельскую свадьбу. Именно такие женщины сшили красочную одежду краковчанки, с бархатным малиновым корсажем, обшитым галунами, бисером, кистями, с нарядным ремешком. Это они создали удивительную роспись мазурских покрывал и выразительные воспроизвели в глине фигурки птиц и животных, остроумно предав им живую характерность баянных персонажей.

Все, что мы видим на выставке польского народного искусства и художественных ремесел, открывшееся несколько дней назад в Москве в залах Академии художеств СССР, это — творчество «простых людей», талантливого народа, развивающего свою самобытную культуру, имеющую очевидную общность с культурами других славянских народов.

Деревянная фигура «Жница» работы Войцеха Драка из Вержбихи. Ржевского воследства, глубоко символична. Она как бы олицетворяет тяжелое прошлое страны и ту великую силу, которая даже в самые трудные времена таилась в народе.

Польша, освобожденная героической Советской Армией, быстро восстанавливает разрушения, причиненные ей войной. Сейчас в свободной Польской республике существуют все условия для развития творческих сил народа, для расцвета свободной

и независимой национальной культуры. И московская выставка является как бы творческим рапортом братского славянского народа о его успехах в этой области.

Народное творчество всегда многообразно. Различные условия жизни, различная природа накладывают свой отпечаток на искусство народа. Законопачные горы (Краковское воследство) показали на выставке образцы своей одежды. На льняной сорочке и кафтане — строгая вышивка. Красные суконные брюки, из толстой кожи сделан пояс. Невнянные фетровая шляпа и трубка — обязательная принадлежность каждого горца — дополняют костюм жителя Татр. А рядом — горская трость-топорик и скрипка, также сделанные законопачами. Это не просто вещи бытового обихода — это прекрасные произведения искусства.

На выставке богато представлены утварь и ткани, живопись и керамика, резьба по дереву и вышивки. Подолгу задерживаются посетители перед работами Янины Васевич, жительницы Варшавы. Янина Васевича делает куклы. На стенде в тапчальном «лаз» застыли краковчанки в краковчанке, торжественно выпрямилась житель Силезии в традиционном шатерском костюме, остановилась на пути широкой плечей житель берегов Балтики — Кошуб. Художнице удалось передать не только особенности национальной одежды представителей разных районов Польши. Куклы Васевич отлично передают характер народа — стойкий, жизнелюбивый и гордый.

Хочется от всего сердца пожелать новым творческим удач талантливым народным мастерам и независимому строению сейчас свое демократическое государство.

Марк СОБОЛЬ

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

Говард ФАСТ

В ТИСКАХ ХОЛОДНОГО ТЕРРОРА

Когда мы говорим о терроре, охватившем сегодняшний Америк, реакционеры, вежливо усмехаясь, заявляют, что в США никого не преследуют за исключением, быть может, нескольких коммунистов, которые, мол, получают по заслугам.

Дичинец негров на юге и расправы с индейцами на севере, по уверениям реакционеров, лишь ловелье древняя, хотя и специфически американская «слабость», которая оторвет со временем, если не обратиться на нее внимания; что касается избиваний и убийств бастующих рабочих, то, по словам тех же реакционеров, это либо следствие «коммунистического подстрекательства», либо неизбежный прилаток современного промышленного развития.

Но террор осуществляется в гораздо более широких масштабах, о чем можно судить по упомянутым выше его злодеяниям проявлениям. Истина заключается в том, что вся страна находится в тисках холодно-го террора и жесточайших репрессий.

Это — не безответственная риторическая фраза. Целая Национальный совет работников науки, искусства и свободных профессий начал расследование проявления террора в одной лишь области американской жизни — в высших учебных заведениях. По этим вопросам не ведется никакой статистики. Газеты не уделяют ни слова никакого внимания. С ограни-

ми трудностями, тщательно проверяя дошедшие до нас слухи и собирая информацию непосредственно из университетов, мы установили следующие факты, в у нас есть все основания считать, что они являются лишь частью общей картины.

Д-р Джордж Паркер — преподаватель философии и теологии в частном методистском колледже в Эвансвиле (штат Индиана). Через два дня после того, как он председательствовал на предвыборном собрании местной организации прогрессивной партии, руководство колледжа предложило ему уйти в отставку. Основания для этого требования: «политическая активность» Паркера.

Д-р Кларенс Атарн — профессор философии и социальной этики в колледже Локнинг (штат Пенсильвания) — отстранен от работы за то, что вступил в члены прогрессивной партии.

Профессор Джеймс Барфут из университета штата Джорджия уволен за то, что принял предложение прогрессивной партии выдвинуть его кандидатуру в губернаторы штата.

Д-р Леонард Бозн младший — профессор университета в Майами (штат Флорида) — уволен, так как активно поддерживал Уоллеса. Профессор Даниэль Д. Аке-ваз освобожден от работы в университете в Майами по той же причине.

Профессор Дон Уэст изгнан из Огайо-

ского университета (штат Джорджия) за активную деятельность в прогрессивной партии.

Профессор Клайд Миллер был уволен из учительского колледжа при Колумбийском университете, когда он стал членом национального комитета борьбы за избрание Уоллеса.

Профессор Линн Р. Брэдли, бывший заведующий кафедрой древнегерманских языков в Нью-Йоркском университете, отстранен от работы за деятельность по оказанию помощи беженцам-антифашистам.

Как я уже говорил, это лишь насчет собранные данные краткого расследования, которое охватывает факты лишь самого последнего времени. Материалы о подобных же фактах продолжают поступать, а кроме того, разумеется, многие случаи, когда люди подпадают под нажим и запугивание, нигде не регистрируются. Так, например, в Северо-Западном университете 25 профессоров были принуждены прекратить активную работу в прогрессивной партии, а в университете штата Вашингтон некоторых профессоров запугивали привлечением к ответственности перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Можно, однако, привести примеры, когда руководители колледжей отказываются

подчиниться этой чудовищной процедуре. В частности, следует указать на дело прогрессивного профессора Фредерика Л. Шумава из колледжа Уилльямс. Когда реакционная группа выпускников потребовала его отставки, президент колледжа Бакстер ясно дал понять, что, хотя колледж в деле репрессий угрожает лишь нем дотации в 2.5 миллиона долларов, он будет защищать профессора Шумава и его право на свободу слова.

Впрочем, случай такого проявления мужества и независимости со стороны руководителей высших учебных заведений довольно редки.

Какое издевательство говорить о свободе выборов в подобной обстановке! Или мы настолько уже привыкли к репрессиям, что подобные вещи проходим незамеченными? Мы посвящаем целые акры газетной бумаги любой чепухе, а во время как из-под наших ног уплывает самая почва, на которой аяжуют наши традиции. Как не вспомнить о том немощном буржуазном, который докопался с собой после того, как наши военные показали ему изнутри гитлеровский концентрационный лагерь. Хотя этот лагерь находился возле его города, он не имел представления о том, что там происходило.

Должны ли мы идти этим же путем? США.